

№ 131—137

**ВОЛНЕНИЕ НА ЮРЕЗАНЬ-ИВАНОВСКОМ
ЧУГУНОПЛАВИЛЬНОМ И ЖЕЛЕЗОДЕЛАТЕЛЬНОМ
ЗАВОДЕ КН. БЕЛОСЕЛЬСКОЙ - БЕЛОЗЕРСКОЙ
В ОРЕНБУРГСКОЙ ГУБ.
(1828—1829 гг.)**

№ 131

1828 г., ДЕКАБРЯ 27.

**ПРОШЕНИЕ КРЕСТЬЯН ЮРЕЗАНЬ-ИВАНОВСКОГО ЗАВОДА
ГЛАВНОМУ НАЧАЛЬНИКУ ГОРНЫХ ЗАВОДОВ
УРАЛЬСКОГО ХРЕБТА
А. А. БОГУСЛАВСКОМУ С ЖАЛОБОЙ НА ПРИТЕСНЕНИЕ ИХ
ЗАВОДОУПРАВЛЕНИЕМ**

Причина долговременному нашему терпению в несносных человечеству наказаниях и разных притеснениях, причиненных нам от здешнего заводского начальства, происходила не от чего иного, как только не имели мы случая в отвращение оных кого либо просить, а как нынешним годом вышли мы из тер-

пения и по сим обстоятельствам 15 числа июля месяца выпроводили из завода в Пермь служителя Илью Иванова Тараканова, который в то время без бумажной доверенности ехать не соглашался; но по общему нашему приговору отправился в путь для доносу Пермскому горному правлению о следующем, как то: о продаже нам из заводских магазинов хлеба против покупки за двойную цену; о ежегодном взыскании за починку большой трактовой дороги с каждого тягла 1 руб. 20 коп.; о несоразмерном отягощении против лет и сил человеческих годовыми окладами в работах в воскресные и праздничные дни и даже во время светлой недели; о непомерной, против прежнего, чистоте и браковке железа; о бедной выдаче на отковку оногo угля; о жестоких наказаниях и о прочем, что действительно было в правлении объявлено, почему Горное правление, отобрав от поверенного нашего Тараканова на счет выше означенных предметов на бумаге показание, и потом предписало указом откомандированному еще до сего из оногo ж правления в Катавской завод для следствия о каких-то лихоимствах г-ну маркшейдеру Шудрову исследовать по всей справедливости и наши претензии. О тем вместе повелено Тараканова, как явившегося в присутствии Горного правления без письменного вида и доверенности, иметь Шудрову под своим надзором, который по получении указа два дни держал у себя Тараканова в квартире, а на третий день отдал под присмотр Катавской конторы с тем, чтобы производить ему, Тараканову, приличную пищу, почему контора и содержала Тараканова с 9 числа августа по 27 в полиции, а с 27 по 10 октября по ложному от конторы г. следователю доносу в том, что якобы он, Тараканов, намеревался сделать к нам утечку, то посему, быв он уже в железзах, за самокрепчайшим караулом так, что ближайших родственников его, Тараканова, то-есть мать и жену, к нему для свидания и доставления пищи не допускали и даже выгоняли их с завода, не давая ночлега, а всего заточения продолжалось без выдачи, без харчевого положения без малого три месяца.

В половине же сентября месяца, а коего числа не упоминаем, г. маркшейдер Шудров вместе с г. дворянским заседателем Ширшиным, прибыв из Катавского в здешний Юрезань-Ивановской завод, требовал от нас показаний в объявленных начальству от имени нашего Таракановым предметам, на что мы с охотою изъявили свое желание, однако ж с тем, чтоб Тараканов, яко поверенный наш и покровитель погибающих безвинно 2500 душ или более, был из-под караула освобожден и находился бы на нашей ответственности, на что господа Шудров и Ширшин тогда не согласились, а требование наше огласили нерезонным и даже причли к буйству. В том точно смысле и

отрапортовали они полагательно и Пермскому горному правлению, которое промыслом всещедрого бога и устроением его судеб для составления в здешнем заводе полного присутствия, прикомандировало быть в оном старшим следователем г. советника Чистякова, который по приезде сюда в завод с помянутыми чиновниками и начал отбирать показания с тем, что Тараканов по получении из правления предписания, будет ими из-под караула освобожден, что действительно, к общему нашему удовольствию, по силе уже указа, последовавшего из Пермского горного правления, исполнилось с 3 на 4 число ноября. Спустя одного несколько времени господами следователями был двукратно нам вычитан указ, чтоб свободу Тараканову и нашу крестьянскую в иске защиту от обид не стеснить, но как мы до освобождения еще Тараканова претензии свои следственной комиссии, особо по каждому цеху, выказали и только не утвердили своим подписом единственно потому, чтоб доверить для вычитания и рукоприкладства за нас кроме Тараканова никому не надеялись, но г. г. следователи, несмотря ни на что, показание наше закончили своим подписом без ведома нашего, а как мы о сем узнали и пришли в немалое сомнение, и потому стали уже утрудждать их, господ, своею докукою, чтоб отобранные показания Таракановым были нам вычитаны, в чем же г. г. присутствующие наших выборных и удовлетворили, но по прочтении показания, оказались они против слов наших скудны, почему и начали было мы дополнять. Дополнения от наших цехов отчего-то принимали медленно, как будто нехотя, и даже как по замечанию нашему не все слова на бумагу помещали, на предмет же сего доказательством нам служит изменение, то-есть: вместо жестоких побой и изнеможений наших, каких случалось над многими очень довольно, так что недели по три, по месяцу и по два хворали и чрез то лишались случая для снискания в пищи, поставляют г. г. следователи на бумагу только то, что бит до беспамятства. С частными жалобами никого к себе не допускали, каковых есть очень довольно. Сверх же того, в 5 число декабря г. г. следователями прочитано выборным нашим постановление, в котором замечено, что никто из депутатов наших в присутствии нестоящими (внимания) показаниями не входили и по нездоровому смыслу прихотями г. г. следователей не утруджали, но как мы и наши выборные из прихотей никогда и ни о чем не докучали, а действительно беспокоили, да и впредь беспокоить будем единственно только по самой крайней необходимости, о чем в то же число от выборных в присутствии г. г. следователям было объявлено, а 6 числа за торжественным праздником присутствия не было. 7 же прочитано постановление на основании какого-то указа в рассуждении от нас показаний в точной истине и о несвободным

им времени для занятия с нами и 8 числа против поданного в присутствии из конторы рапорта в обнесении ложно Тараканова чести, т. е. якобы он делает в народе расстройство, отобрано от него объяснение; об отобрании сего в отвращение чаемого конторою поступка определен за Таракановым караул, который и по сие еще не снят, так что никого из нас к нему не допускают, но как мы от Тараканова законопротивных и к расстройству клонящихся речей никогда не слышали, в чем по присяге удостоверить все вообще мы можем, а потому ежедневно наши выборные, входя в присутствие, просили г. г. следователей: Тараканова из-под караула освободить и поданную при прошении на имя Тараканова доверенность просили засвидетельствовать, кого нам и выдать, но г. г. следователи как с поданных от нас прошений копии, равно и доверенности нам не выдали, удовольствия по сему предмету не делали, а вели лишь время, как полагаем, не для чего иного, как только в понаровку заводона начальства, которое по сему поводу не только Тараканова теснили, но даже и всех нас отрапортовали следственной комиссии, что якобы мы выходим из послушания и возложенных на нас конторою уроков якобы не исполняем, а потому следственная комиссия в исправном продолжении наложенных конторою на нас работ отобрала от наших выборных подписку, в чем мы не прекословим, и даже всякий из нас личный и честный человек без понуждения старался как прежде, об обязанности своей, так и ныне старается, и никогда у начальства не выходили из послушания, а были всегда исполнители. Но как ныне видим, что члены конторы по объявлению бедствий наших во всех случаях и по каким бы то ни было отношениям оказали себя против г-жи заводосодержательницы нашей, — а паче против нас, сугубо вредными, а по сему они и не находя уже никакого средства к оправданию себя, одними лишь пустощами затрудняли господ следователей.

Из сих обстоятельств всякий человек, имеющий здравый рассудок, заключить может, что контора старается не для облегчения нас от тягости и соблюдения спокойствия, но еще ведет только к вящему изнурению и разорению.

Что ж принадлежит до отлучки в Пермь служителя Тараканова, случившейся в 15 число июля, вашему высокоородию объяснить честь имеем: отправился он тогда не самовольно, а истинно по принуждению всего нашего общества для доноса Горному правлению о изъясненных в начале сего предметах, то-есть о бесчеловечном тиранстве и несносных притеснениях, равно о стеснении своем также и об угрожающих опасностью ближнего родства его Тараканова, которое г. Гоферланд в конторе при присутствии всего заводона начальства и небольшого

числа крестьян хвалился искоренить единственно только за то, что отправил он, Тараканов, чрез Златоустовскую почтовую экспедицию прошения в помянутое правление, о чем наши выборные бывшему здесь в заводе г. советнику словесно изъяснили и разные, кроме показаний, прошения ему подали, как-то: в лихоимстве, чинимом г. Гоферландом с вольноприезжающих торговцев; о телесных наказаниях с приложением реестра; о засвидетельствовании и выдаче доверенности на имя Тараканова; об освобождении его из-под караула и о выдаче ему билета для съезда в Пермь; о неосмотре г.г. Чистяковым и Ширшиным весенней рубки дров и о прочем касательно лихоимства, которое чинимо было г. Гоферландом, просим, ваше высокородие, приступить к исследованию; поелику теперь в здешнем заводе находятся из приезжающих торговцев обиженных, как то: Челябинского уезда крестьянин Тимофей Савсев, Прохор Яковлев и Златоустовского завода мастеровой Яков Балакин, из них первый содержался в Катавской темнице более 10 суток, с набитием на ногу колодки и еще бит из своих рук г. Гоферландом и наказан единственно только по насильственному выможению денег и харча: В прочих же стесненных обидах просим покорнейше, ваше высокородие, вытребовать от конторы объяснение на основании сущей справедливости, а в каком будут смысле конторские ответы, снабдить нас сведениями, поелику мы можем, не упущая напрасно время и не откладывая вдаль сего дела, можем сделать и подать вам, буде надобность востребует, справедливейшие для улики конторы возражения, дабы вся наша истина и претерпеваемые бедствия видны были, которое по благорасмотрению благоволено б вознаградить наши недостатки и оградить Тараканова от гнева, могущего случиться от владетельницы нашей и заводоначальства; но чтоб нам, не знающим грамоты, неумышленно в чем-нибудь не погрешить, то в сем случае просим ваше высокородие: служителя Тараканова, яко безвинно претерпевающего за нас, из-под караула освободить и без всякого подозрения приказать допустить его к конторским документам для справок по нашим заработкам и состоящих на нас заборов, ибо мы во многих интересных предметах контору подозреваем, а для удостоверения с нашей стороны по сим отношениям верить никому кроме Тараканова не соглашаемся¹. Если же сие прошение должно быть на гербовой бумаге, то благоволите взыскать

¹ Тараканов И. И. был, как указывается в деле о нем, «сыном весьма заслуженного человека» (исполнял обязанности караванного приказчика и служителя по письменной части в заводской конторе). За «дерзость» начальству в мае 1828 г. он был «наказан заводским исправником Гоферландом и переведен на низший оклад, но это его не смирило», и он подал в заводскую контору и самому Гоферланду прошения от своего имени

деньги с конторы из заработной нами платы, а для дальнего иску с сего прошения просим, ваше высококордие, за скрепою вашу выдать нам копии. Декабря 27 дня 1828 года.

К сему прошению вместо всего общества крестьян за неумением грамоте по личной их просьбе подписуюсь крестьянин *Василий Трусов*.

ЦИАЛ, ф. 37, Горный д-т, оп. 5, д. 169,
л. 121—126. Копия.

№ 132

1828 г., НЕ РАНЕЕ СЕНТЯБРЯ 19¹.

ИЗ СПРАВКИ ПЕРМСКОГО ГОРНОГО ПРАВЛЕНИЯ
ГЛАВНОМУ НАЧАЛЬНИКУ ЗАВОДОВ УРАЛЬСКОГО ХРЕБТА
А. А. БОГУСЛАВСКОМУ О ВОЛНЕНИИ КРЕСТЬЯН ЮРЕЗАНЬ-
ИВАНОВСКОГО ЗАВОДА, ТРЕБОВАВШИХ ОСВОБОЖДЕНИЯ
ТАРАКАНОВА, АРЕСТОВАННОГО ЗА ПОДАЧУ ПРОШЕНИЯ

...19 числа того сентября заводские крестьяне, 51 человек, собравшись к занимаемой им и заседателем Уфимского земского суда Ширшиным квартире, подали прошение без означения имен и прозваний и без рукоприкладства, которым требовали от них настоятельно, почему они содержат служителя Тараканова под караулом в Катав-Ивановской полиции скованного, и чтоб он непременно был ими доставлен к ним в Юрезань-Ивановский завод; если же того не уважат, то они

и от имени мастеровых с протестом против слишком строгой браковки железа и с требованием убрать помощника приказчика, производившего браковку. Когда контора отклонила его прошение, он отправился с ним на соседний завод к следователю Шудрову; по дороге, когда его хотели остановить, угрожал оружием. Шудров отказался взять прошение, и Тараканов отправился в Златоуст, откуда послал прошение по почте в Пермское горное правление, после чего вернулся обратно на завод и снова побудил рабочих подать Гоферланду прошение с вопросом, за что его, Тараканова, наказывали. Гоферланд приказал отправить Тараканова на другой завод, но фабричные мастеровые отбили его и взяли к себе на фабрику, где присягали, что его не выдадут. Затем Тараканов привел мастеровых в контору, где они подали прошение, в котором жаловались на жестокое обращение помощника приказчика Утушкина и просили разрешения послать одного из них в Пермь для подачи жалобы (то же дело, л. 58—59). Приказчик предложил им подать просьбу заводовладельцу, но Тараканов отговорил их от этого и, собрав деньги, отправился в Пермь; по дороге он заехал на Минский завод, и когда приказчик не дал ему лошадей, то крестьяне избili приказчика и отправили Тараканова дальше. После подачи прошения он был отправлен с военнослужителем к следователю Шудрову и заключен под караул до рассмотрения дела комиссией (то же дело, л. 57—59).

¹ Датировано по дате, упоминаемой в документе.

будут тревожить Пермское горное правление, г. берг-инспектора и дойдут до его императорского величества, объявив при этом единогласно, что они без него, Тараканова, не дадут им никаких по делу сему ответов. Почему они, переписав имена и прозвания тех крестьян, начали делать им внушение с убеждением, чтоб они до начатия ими следствия и отобрания касающихся до них справок в большом количестве не собирались и через то от своих заводских работ не отлучались, но к ним еще присовокупилось крестьян значительное количество и с дерзостью противу их, Шудрова и Ширина, при бывших при том случае г. г. Симского завода заводском исправнике Андронове и уволенном от службы титулярном советнике Кадомцеве, многократно повторяли о доставлении того служителя Тараканова; говорили, что они не доверяют им производства следствия без него, Тараканова, причем некоторые из них кричали, коих в большой толпе заметить было невозможно, что они, если они не сделают им удовольствия, не выпустят их, Шудрова и Ширина, из завода. После чего заметили они, что и еще во многих местах по улицам начали собираться крестьяне, и потому они опасались могущих быть со стороны их вредных для них последствий, выехали тотчас из Юрезаньского в Катав-Ивановский завод...

ЦГИАЛ, ф. 37, Горный д-т, оп. 5, д. 169,
л. 105—106. Копия.

№ 133

1829 г., ФЕВРАЛЯ 14.

ИЗ ЗАПИСКИ ПЕРМСКОГО ГОРНОГО ПРАВЛЕНИЯ О ЖАЛОБАХ КРЕСТЬЯН ЮРЕЗАНЬ-ИВАНОВСКОГО ЗАВОДА НА ПРИТЕСНЕНИЯ ИХ УПРАВЛЯЮЩИМ

...1. В июле месяце прошлого 1828 года служитель госпожи княгини Белосельской-Белозерской Тараканов прислал в Горное правление прошение, что находящийся при заводах госпожи княгини Белосельской-Белозерской надворный советник Гофферланд причинил ему, Тараканову, без причины в заводской конторе при приказчиках, служителях и крестьянах по лицу его жестокие удары и в тот же час наказал его розгами бесчеловечно, от каких побой спина его и бедра шесть недель были в гноище. Не доволен он будучи сим истязанием, приказал приковать его в конторе к столу, на котором он занимался конторскими делами, и содержал его прикованным безотлучно три недели, а после того был он уже на свободе, но зло его продолжалось и продолжается до случаев.

И 8 мая месяца 1828 года в Юрезанском заводе последовало несчастье над тридцатью или более крестьянскими жең-

ками, которые были в то число наряжены по отлучке заводского приказчика Игнатова чрез распоряжение помощника Утушкина для подъема с земли на вновь строящуюся лесопилочную мельницу брусев. И при втаскивании оных наверх нечаянно переклады и вымости, лежащие на стойках с втащенным еще до сего брусом, обломились с народом на пол, причем и изувечило некоторых женок, которые и по сие время страдают, а по сему случаю на другой день, то-есть 9, г. Гоферланд, прибыв с Катавского завода на Юрезанский и в тот же час вытребовав заводского приказчика к себе от молебна, избил его из своих рук при виде двухсот человек или более, шедших с поля от часовни с образами, которые от сего жестокого поступка его, г. Гоферланда, удержали, а при том простили, чтоб их жен не в свойственные работы не употреблять.

Будучи он в кругу крестьян по крайней мере часа четыре, напоследок приказал он, г. Гоферланд, приказчику послать людей к кричной фабрике, что и было в ту же минуту исполнено, но как он сим случаем раздражен, а потому, делая приказчику выговор, заключил, что якобы учиненный крестьянами с ним поступок последовал от умышленной потачки, а притом присо-вокупил, что сему бунту причиною он, Тараканов, и в доказательство сего 25 июня месяца персонально называл его бунтовщиком и обносил несвойственными качествами, а притом грозил жестоко наказать.

Но как сих качеств он [Тараканов] за собой не имеет и, не желая переносить впредь напрасные наказания, в 30 число того же июня подал в заводскую контору прошение о произведении следствия и о выключке его как пред госпожей его, равно и пред им, г. Гоферландом, из бунтовщиков и о помещении в число честных и полезных людей.

Но как контора, опасаясь его, г. Гоферланда, потому более, что он распоряжается хозяйски как господин и занимает место заводского исправника, а потому ни в каком случае обеспечить обиженного не в силах, но однакож, хотя и приказано было им, г. Гоферландом, за поданную в заводскую контору бумагу его [Тараканова] наказать, но начальство, не почитая его виновным, ничего с ним не учинило, на что он, г. Гоферланд, негодуя и желая его видеть в вящем несчастии, вынуждал контору умышленно подать ему рапорт в том смысле, что, якобы, он [Тараканов] вздорный, непослушливый и к господской, по конторе, должности неграмотен. Но и в сем случае контора, не зная за ним никаких пороков, подать рапорт отказалась, а оттого будучи он [Гоферланд] крайне недоволен, угрожал его мщением разными средствами, почему он [Тараканов], сомневаясь, чтоб и в самом деле чрез какое-нибудь посредство напрасно не пострадать и вечно б не лишиться честного имени,

предъявил о сей обиде живущему в Катавском заводе маркшейдеру и следователю г. Шудрову, который на объяснение его сказал, что он без особенного предписания приступить к защите не может и на прием просительной бумаги права не имеет.

А как он не видит никаких средств к защите, то, донеся о напрасном наказании его, Тараканова, и могущем даже впредь случиться несчастью, чрез сие просил от таковых бесчеловечных поступков его, г. Гоферланда, удержать, дабы впредь не могло открыться худых последствий, каковых даже на самом деле очень довольно; и уже теперь три человека от жестоких наказаний и угроз находятся в бегах, а иные есть такие, что по три месяца и более лежат почти на смертном одре в заводском госпитале без положения господской пищи, и по такому дерзкому поступку он, г. Гоферланд, до такой низкости дошел, что и бороды выдирает...

ЦГИАЛ, ф. 37, Горный д-т, оп. 5, д. 169,
л. 97—100. Копия.

№ 134

1829 г., МАРТА 28.

**ДОНЕСЕНИЕ ГЛАВНОГО НАЧАЛЬНИКА ГОРНЫХ ЗАВОДОВ
УРАЛЬСКОГО ХРЕБТА А. А. БОГУСЛАВСКОГО
МИНИСТРУ ФИНАНСОВ Е. Ф. КАНКРИНУ
О ХОДЕ СЛЕДСТВИЯ ПО ЖАЛОБАМ КРЕСТЬЯН
ЮРЕЗАНЬ-ИВАНОВСКОГО ЗАВОДА НА ПРИТЕСНЕНИЯ
ИХ ЗАВОДСКИМ НАЧАЛЬСТВОМ**

Из прежних моих представлений вашему высокопревосходительству известно, что исследование на заводах княгини Белосельской-Белозерской производилось по двум разным предметам, из коих первый состоял в жалобе служителя Тараканова на нанесенные ему и другим людям жестокие побои и другие обиды, а второй предмет заключал в себе общее неудовольствие людей на заводоуправление.

По рассмотрении в Горном правлении дела сего открывается:

По претензии собственно Тараканова: 1) Хотя он жаловался, будто бы надворный советник Гоферланд прибил его в юрезань-ивановской конторе так жестоко и бесчеловечно, что он шесть недель был нездоров; что Гоферланд избил бывшего приказчика Игнатова в виду 200 человек крестьян, а его называл бунтовщиком; что от жестоких Гоферландом побой три человека находились в бегах; что также от наказания лежали три человека в госпитале на смертном одре, и будто бы он, Гоферланд, дошел до того, что выдергал у двух человек бороды; равным образом, хотя

кроме Тараканова несколько человек крестьян Юрезань-Ивановского завода объявили о причиненных им побоях Гоферландом, бывшим приказчиком Игнатовым и помощником приказчика Утушкиным; но при производстве следствия ни Тараканов, ни другие крестьяне ничем не доказали, чтобы им были причинены жестокие кем-либо побои без совершенной их вины; а те, на коих они жаловались, ни в чем не признались и виновными не обнаружены. 2) Что служитель Тараканов отлучался в Златоустовский завод и в Пермь самовольно. 3) Что крестьяне Юрезань-Ивановского завода, собравшись в числе 400 человек, освободили насильно Тараканова из-под присмотра и, дав чрез сие ему случай на самовольную отлучку, оказали местному своему начальству явное неповиновение и не дали сверх того следователям за всеми их убеждениями без Тараканова ответов. По сим обстоятельствам жалоба Тараканова и показания людей на счет жестокого с ними обращения подлежат рассмотрению судебным порядком; о чем и сделано мною ныне распоряжение с тем, чтобы вместе с делом отправлен был в Уфимский уездный суд под присмотром и служитель Тараканов, и чтобы до решения дела он содержим был под строгим надзором в предупреждение всяких его с заводскими людьми княгини Белосельской непозволенных связей.

По второму предмету об общих неудовольствиях людей Юрезань-Ивановского завода открыто, что они состоят в следующих главнейших пунктах: 1) в малой выдаче денежных плат и строгой браковке железа; 2) в вычете из плат по 30 копеек с рубля в уплату долга за хлеб, купленный по дорогим ценам; 3) в оставлении при конторе ярлыков, по которым им следуют к получению деньги; 4) в вычете из плат за отпускаемый им хлеб и соль против покупной цены гораздо дороже; 5) в несвоевременном и позднем производстве плат; 6) в отпуске негодных железных обсечков на выковку годного железа без дачи для сего угля; 7) в недодаче платы за забракованное железо, хотя оно после и бывает ими исправлено; 8) в невыдаче никакой платы за перековку железа, если у кого пойдет в брак до 30 пудов железа; 9) в отпуске из магазина дорогими ценами против покупки разных одежных вещей; 10) во взыскании денег за подковку лошадей, оковку колес, саней, за пастьбу скота, за проруби, на поправку дорог и за отпуск семян на посев хлеба или льна и за деготь на смазку колес; 11) в употреблении в работу по воскресным и праздничным дням; в недаче им времени исправлять домашних нужд и в посылке (с отлучкою от домов) к исправлению дорог за недостаточную плату; 12) в употреблении принадлежащих им лошадей для заводских надобностей без платы; 13) в выдаче плат караульщикам при фабриках и тому подобным людям находя-

щимся в других местах, на счет кричных мастеров и работников и в содержании полицейских служителей на общий счет рабочих людей; 14) в недаче никакого содержания больным, и что некоторые семейства питаются милостыню; 15) в отяготительном расположении рубки дров, малой за оную плате, в употреблении сверх оной в посторонние работы, к вырубке 250 бревен без платы и к сплаву леса; 16) в малой даче времени для сенокоса и прочих полевых работ; 17) в отягощении куренною работою, в увеличении угольного короба, в вычете по 10 руб. с каждого окладного работника за неявку угля у приемщиков и в неправильном также вычете у одного за недостаток якобы угля; 18) во взыскании за взятый заимообразно и невозвращенный в свое время хлеб по 3 руб. с лишним; 19) в вычете из плат за дрова, за наем, жжение угля и прочего, которых им несколько уже не причитается; 20) в малой даче лошадей для исправления работ; 21) в недопущении за занятием работами быть в воскресные дни в церкви; 22) в расположении работ на старых, дряхлых, хромых и совсем безногих; 23) в малой даче поторжным работникам плат; в вычете из плат за отпуск семян с таких людей, которые их и не получают; 24) в удержке заработанных плат в штраф у тех, кто не успеет явиться к расчету, из числа коих одному не выдано 1 руб. 61 коп.; 25) в наложении излишних работ на тех, кто имеет более других лошадей; 26) в заведении на счет всех вообще рабочих людей, сверх полицейских служителей, по улицам в ночное время караульщиков; 27) в найме из тех же плат земель у башкирцев по недостатку пахотных мест для посева хлеба.

Все сии жалобы, по отобраным от самой Юрезань-Ивановской конторы объяснениям, оказались большею частью справедливыми, из коих также видно, что контора во взыскании с людей работ, в выдаче им плат и во всем выше прописанном руководствовалась предписаниями г-жи завододержательницы. Горное правление, сообразив все сие с 17-м пунктом журнала Комитета г. г. министров, высочайше утвержденному 23 августа 1827 года, полагает: для совершенного прекращения возникших между людьми княгини Белосельской волнений и во избежание всяких на будущее время подобных нынешним справедливых жалоб поставить г-же завододержательнице в обязанность: а) чтобы она приказала по заводам своим на всех вообще рабочих людей располагать и взыскивать работы сколько можно умереннее так, чтобы они отнюдь не превышали сил каждого человека; платы же им за работы велела бы производить достаточные или, по крайней мере, на первый раз такие, какие назначены по новому высочайше утвержденному штату для Камско-Воткинского завода, как по действию своему некоторым образом единообразному с заводами ее, княгини Бе-

лосельской-Белозерской; на каковой конец для руководства Горное правление и может препроводить в заводы ее один экземпляр Воткинского штата; б) выковываемое рабочими железо браковать без всяких им притеснений и не иначе, как при кричных мастерах, выбрав для сего из среды их самых беспристрастных и лучшего поведения; в) ярлыки, по которым должна производиться людям денежная выдача, отнюдь в конторах не удерживать; г) заработанные платы и провиант производить своевременно, без проволоочки рабочих людей, так, чтобы деньги выдаваемы были по окончании, а провиант в начале каждого месяца; д) на выковку железа не отпускать негодных обсечков, кои причиняют излишний только угар; в случае же отпуска их требовать железа отнюдь не более того количества, какое может действительно выковаться с выдачею положенной за то платы; е) выдавать соразмерную одинаковую плату по исправлению и за забракованное железо с годно выкованным; ж) одежные и прочие вещи отпускать рабочим людям по тем ценам, чего они стоят по покупке заводам, так как рабочим людям по удалению торговых мест негде сих вещей взять, кроме заводского магазина; з) за железо на подковку лошадей, оковку колес и саней, равно за пастьбу скота, имение прорубей, полицейских служителей и караульщиков и на исправление дорог никакого взыскания из плат рабочих людей не делать, ибо по другим частным заводам все сии пособия и повинности производятся на счет заводский; и) в воскресные и праздничные дни не наряжать людей в работы, кроме случаев экстренных и не терпящих отлагательства времени; к) не делать вычетов за отпуск семян с тех людей, которые их не получают; или в штраф не удерживать плат у рабочих, которые по каким бы то ни было причинам не явятся к расчету в конторы; л) работы располагать на людей одинаковые, а не по количеству собственных лошадей при них; всем вообще рабочим людям, кои не будут получать из заводского магазина провианта, дать достаточное количество мест для посева хлеба, дабы они от найма оных у башкирцев не могли терпеть разорения, а семейства их ходить по миру для прошения милостыни; м) на всех тех, кои по старости лет и болезненному состоянию не в силах исправлять заводских работ, таковых на них во все не располагать, а производить им определенное 804-ю статью проекта Горного положения содержание; и н) по всем прочим пунктам жалоб, которые объяснены выше и здесь уже не повторяются, просить княгиню Белосельскую, чтобы она приказала руководствоваться штатом Камско-Воткинского завода.

Вместе с сим делом Горное правление рассматривало и отзыв княгини Белосельской на прежнее распоряжение; об

устройстве заводской конторы, определении управляющего и пр. В сем отзыве она пишет:

1. Что доверенность на управление Юрезанским заводом дана была от нее бывшему приказчику Архипу Игнатову; но как по возникшим беспорядкам она сочла приличным удалить его от сей должности, то до окончания сего дела и объяснения настоящих причин она удерживалась выдать кому-либо доверенность из опасения, чтоб она не была во зло употреблена. Ныне же, по получении из Горного правления указа, она дала полную доверенность на управление всеми ее заводами надворному советнику Гоферланду.

2. Что касается до откомандирования на ее заводы исправника Коурова с военнослужителями для восстановления поколебавшегося там порядка и повиновения между крестьянами, то она с благодарностью принимает сию меру правительства и вместе с тем просит подтвердить г. Коурову, чтоб он действовал всегда согласно с предположениями Гоферланда, к пользе завода и ее клонящимися, ибо в проекте Горного положения сей предмет служит основанием к поощрению заводосодержателей, в дела которых без особой надобности и без их просьбы правительство не может входить и стеснять их распоряжений.

3. Чтобы контора Юрезанского завода была неблагоустроенною, она не соглашается, и в доказательство поставляет ответы, ею сделанные на запросы следственной комиссии. Конторщик не есть простой работник, как в том указе сказано, но сын служительский, который с молодых лет приучен к письменным делам и к которому она более имеет доверенности, нежели к постороннему, не принадлежащему ей человеку. В сем отношении, равно как и во всех прочих, она управляет своими заводами на правилах проекта Горного положения.

Наконец, 4. Просит обратить внимание на поступки крестьянина Тараканова как явного возмутителя общего спокойствия и послушника установленной законом власти; также нужным считает заметить и трех крестьян, осмелившихся во время даже пребывания следственной комиссии без позволения конторы и без вида отправиться самовольно в Пермь с нелепыми жалобами.

Противу сего Горное правление представляет мне: а) Насчет доверенности Гоферланду, что он к управлению заводами и людьми, согласно прежнему распоряжению, не может быть допущен впредь до решения дела уездным судом, так как жалобы людей относились до него собственно, и признает справедливым настоять, чтобы княгиня Белосельская определила управляющим такого человека, который совершенно достоин бы был доверия ее. б) Нельзя уважить просьбы княгини Белосельской, чтобы заводский исправник действовал всегда согласно с пред-

положениями или с волею управляющих заводами: он есть посредник между людьми и правительством, и обязанности его изложены подробно в проекте горного положения. Об исполнении сих обязанностей в точности Горное правление полагает подтвердить маркшейдеру Коурову с тем, чтобы он, согласно прежним предписаниям, строжайше наблюдал за людьми Юрезань-Ивановского завода, дабы они были своему начальству в должном повиновении и возлагаемые на них работы исправляли безленостно. в) Хотя княгиня Белосельская не соглашается, чтобы Юрезань-Ивановская контора была не устроена, но из самых объяснений конторы, на которые она ссылается и которые есть в следственном деле, ясно обнаруживается, что контора находится в беспорядке, ибо работы с людьми взыскиваются неодинаково и неопределительно, а более по произволу приказчика, который не имеет никакой доверенности на управление заводом и, следовательно, не вправе требовать, чтобы люди имели к нему уважение, как бы к управляющему. И д) Хотя также княгиня Белосельская просит обратить внимание на поступки крестьянина Тараканова, как явного возмутителя общего спокойствия и послушника установленной законной власти, и заметить трех крестьян, осмелившихся отлучаться самовольно в Пермь с нелепыми будто бы жалобами, но если отправить дело вместе с Таракановым в Уфимский уездный суд, то настоящие княгини в сем случае уже не может требовать никакого распоряжения со стороны Горного правления.

Такое заключение Горного правления по всем вышеупомянутым предметам (исключая удаление г. Гоферланда) я нахожу совершенно правильным и с существом дела согласным. Впрочем, имею честь предать его на дальнейшее благоусмотрение и разрешение вашему высокопревосходительству. При сем долгом поставляю донести, что кроме отсылки следственного дела в уездный суд, я дозволил Горному правлению исполнить ныне и то, чтобы исправнику Коурову подтвердить о строжайшем наблюдении за рабочими людьми. Из рапортов сего чиновника усматриваю я ныне постепенное водворение порядка между людьми, которые безропотно исправляют работы, подвергаются легким наказаниям в случае лености или некоторого ослушания и нетерпеливо ожидают теперь улучшения состояния их.

По мнению моему, нельзя ожидать долговременного спокойствия и тишины в заводах Белосельской, если она сама не обратит более внимания на участь людей и на нынешний беспорядок в управлении ими. Что касается до удаления г. Гоферланда от влияния на заводы до решения следственного дела, то по бездоказательным на него жалобам я не нахожу препятствия допустить его к управлению людьми, особенно если княгиня

Белосельская предпишет ему удовлетворить справедливые претензии людей.

Главный начальник горных заводов хребта Уральского,
генерал-майор *Богуславский*.

ЦГИАЛ, ф. 37, Горный д-т, оп. 5, д. 169,
л. 130—140.

№ 135

1829 г., ИЮЛЯ 17.

**ДОНЕСЕНИЕ И. Д. ГЛАВНОГО НАЧАЛЬНИКА ГОРНЫХ ЗАВОДОВ
УРАЛЬСКОГО ХРЕБТА А. Т. БУЛГАКОВА
МИНИСТРУ ФИНАНСОВ Е. Ф. КАНКРИНУ
О ВОЛНЕНИИ ЗАВОДСКИХ КРЕСТЬЯН ЮРЕЗАНЬ-
ИВАНОВСКОГО ЗАВОДА,
ТРЕБОВАВШИХ ОСВОБОЖДЕНИЯ АРЕСТОВАННЫХ ТОВАРИЩЕЙ
И СМЕНЫ ПРИКАЗЧИКА И УПРАВЛЯЮЩЕГО**

Из донесений главного начальника горных заводов известно вашему высокопревосходительству, что с сентября месяца 1828 года начались неудовольствия от крестьян по заводам княгини Белосельской-Белозерской в Оренбургской губернии. Пермское горное правление, коль скоро получило первые просьбы, велело одному чиновнику исследовать их; вскоре потом поступили общие жалобы от людей, что им выдаются платы недостаточные и несвоевременно; из сих малых плат производятся разные вычеты; что они обременяются работами; с чрезмерною строгостью принимается от них железо, и что им делаются разные притеснения и наказания. Для исследования сих жалоб послан был уже советник Горного правления. Они заключали в себе множество предметов, но, несмотря на то, следствие при непрерывном наблюдении главного начальника окончено в исходе февраля месяца с. г. и отослано для решения в Уфимский уездный суд.

По рассмотрении следствия в Горном правлении найдено, что жалобы крестьян большею частью были справедливы и что во взыскании с них работ, в выдаче плат и во всем прочем Юрезань-Ивановская контора руководствовалась предписаниями самой завододержательницы. По сему случаю Горное правление обязано было войти в посредство между людьми и заводчицы. Но как в положении Комитета министров, высочайше утвержденном 23 августа 1827 года, предписано не издавать вдруг штатов для частных заводов, а держаться правила, чтобы частные горнорабочие получали содержание не менее казенных; то Горное правление и признало необходимым предписать княгине Белосельской-Белозерской, чтобы она на первый раз приказала взыскивать работы и производить платы людям по крайней мере такие, какие определены высочайше

утвержденным штатом казенного Воткинского завода; равным образом велела бы руководствоваться сим штатом и в прочих предметах, на кои предъявлены жалобы от людей. О сем заключении Горного правления главный начальник заводов представил вашему высокопревосходительству на благоусмотрение и разрешение 28 марта сего года № 801¹, но на сие представление не получено еще никакого отзыва от вашего высокопревосходительства.

Между тем в продолжении следствия и после главный начальник заводов и Горное правление заботились о восстановлении в заводах г. Белосельской совершенного спокойствия и порядка. На сей конец послан был туда для управления полициею один из лучших заводский исправник; он объявил публично всем крестьянам высочайший манифест 12 мая² и указ Правительствующего сената 10 августа 1826 года³ о повиновении г. помещикам. Статский советник Любарский, производивший исследование, внушал также всем крестьянам на месте (в заводах), чтобы они безленостно отправляли работы и спокойно ожидали решения дела. Само Горное правление о том подтверждало крестьянам, которые приходили в Пермь с жалобою. Кроткие сии внушения и убеждения могли успокоить крестьян на некоторое время, но и тогда главный начальник заводов, видя, что жалобы их на притеснения были справедливы, не мог не объяснить вашему высокопревосходительству (в представлении от 28 марта), что «долговременного спокойствия и тишины нельзя ожидать в заводах княгини Белосельской, если она сама не обратит более внимания на участь людей и на беспорядок в управлении ими».

Со времени последнего донесения вашему высокопревосходительству, с марта месяца, ничего особенного в заводах Белосельской не происходило: некоторые крестьяне не в значительном числе отлучались иногда самовольно от работы, а другие поздно к работе являлись; исправник по удостоверении в том штрафовал их легко. Предупреждая таким образом своеволие крестьян, исправник доносил, что они от правительства ожидают непременно улучшения в состоянии своем и что, впрочем, безропотно выполняют работы, несмотря на то, что уроки расположены на них попрежнему отяготительные. Когда же

¹ См. документ № 134.

² Манифест 12 мая 1826 г. был издан вследствие распространения среди казенных и помещичьих крестьян слухов об освобождении их от крепостной зависимости. Манифест объявлял, что всякие толки о свободе «суть слухи выдуманные и ложные», и все крестьяне, как казенные, так и помещичьи, должны беспрекословно повиноваться установленным над ними властям. Виновным в распространении ложных слухов грозило быть наказанными «по всей строгости законов» (II ПСЗ, № 330).

³ II ПСЗ, № 515.

Белосельская предпишет ему удовлетворить справедливые претензии людей.

Главный начальник горных заводов хребта Уральского,
генерал-майор *Богуславский*.

ЦГИАЛ, ф. 37, Горный д-т, оп. 5, д. 169,
л. 130—140.

№ 135

1829 г., ИЮЛЯ 17.

**ДОНЕСЕНИЕ И. Д. ГЛАВНОГО НАЧАЛЬНИКА ГОРНЫХ ЗАВОДОВ
УРАЛЬСКОГО ХРЕБТА А. Т. БУЛГАКОВА
МИНИСТРУ ФИНАНСОВ Е. Ф. КАНКРИНУ
О ВОЛНЕНИИ ЗАВОДСКИХ КРЕСТЬЯН ЮРЕЗАНЬ-
ИВАНОВСКОГО ЗАВОДА,
ТРЕБОВАВШИХ ОСВОБОЖДЕНИЯ АРЕСТОВАННЫХ ТОВАРИЩЕЙ
И СМЕНЫ ПРИКАЗЧИКА И УПРАВЛЯЮЩЕГО**

Из донесений главного начальника горных заводов известно вашему высокопревосходительству, что с сентября месяца 1828 года начались неудовольствия от крестьян по заводам княгини Белосельской-Белозерской в Оренбургской губернии. Пермское горное правление, коль скоро получило первые просьбы, велело одному чиновнику исследовать их; вскоре потом поступили общие жалобы от людей, что им выдаются платы недостаточные и несвоевременно; из сих малых плат производятся разные вычеты; что они обременяются работами; с чрезмерною строгостью принимается от них железо, и что им делаются разные притеснения и наказания. Для исследования сих жалоб послан был уже советник Горного правления. Они заключали в себе множество предметов, но, несмотря на то, следствие при непрерывном наблюдении главного начальника окончено в исходе февраля месяца с. г. и отослано для решения в Уфимский уездный суд.

По рассмотрении следствия в Горном правлении найдено, что жалобы крестьян большею частью были справедливы и что во взыскании с них работ, в выдаче плат и во всем прочем Юрезань-Ивановская контора руководствовалась предписаниями самой завододержательницы. По сему случаю Горное правление обязано было войти в посредство между людьми и заводчицы. Но как в положении Комитета министров, высочайше утвержденном 23 августа 1827 года, предписано не издавать вдруг штатов для частных заводов, а держаться правила, чтобы частные горнорабочие получали содержание не менее казенных; то Горное правление и признало необходимым предписать княгине Белосельской-Белозерской, чтобы она на первый раз приказала взыскивать работы и производить платы людям по крайней мере такие, какие определены высочайше

утвержденным штатом казенного Воткинского завода; равным образом велела бы руководствоваться сим штатом и в прочих предметах, на кои предъявлены жалобы от людей. О сем заключении Горного правления главный начальник заводов представил вашему высокопревосходительству на благоусмотрение и разрешение 28 марта сего года № 801¹, но на сие представление не получено еще никакого отзыва от вашего высокопревосходительства.

Между тем в продолжении следствия и после главный начальник заводов и Горное правление заботились о восстановлении в заводах г. Белосельской совершенного спокойствия и порядка. На сей конец послан был туда для управления полициею один из лучших заводский исправник; он объявил публично всем крестьянам высочайший манифест 12 мая² и указ Правительствующего сената 10 августа 1826 года³ о повиновении г. помещикам. Статский советник Любарский, производивший исследование, внушал также всем крестьянам на месте (в заводах), чтобы они безленостно отправляли работы и спокойно ожидали решения дела. Само Горное правление о том подтверждало крестьянам, которые приходили в Пермь с жалобою. Кроткие сии внушения и убеждения могли успокоить крестьян на некоторое время, но и тогда главный начальник заводов, видя, что жалобы их на притеснения были справедливы, не мог не объяснить вашему высокопревосходительству (в представлении от 28 марта), что «долговременного спокойствия и тишины нельзя ожидать в заводах княгини Белосельской, если она сама не обратит более внимания на участь людей и на беспорядок в управлении ими».

Со времени последнего донесения вашему высокопревосходительству, с марта месяца, ничего особенного в заводах Белосельской не происходило: некоторые крестьяне не в значительном числе отлучались иногда самовольно от работы, а другие поздно к работе являлись; исправник по удостоверении в том штрафовал их легко. Предупреждая таким образом своеволие крестьян, исправник доносил, что они от правительства ожидают непременно улучшения в состоянии своем и что, впрочем, безропотно выполняют работы, несмотря на то, что уроки расположены на них попрежнему отяготительные. Когда же

¹ См. документ № 134.

² Манифест 12 мая 1826 г. был издан вследствие распространения среди казенных и помещичьих крестьян слухов об освобождении их от крепостной зависимости. Манифест объявлял, что всякие толки о свободе «суть слухи выдуманные и ложные», и все крестьяне, как казенные, так и помещичьи, должны беспрекословно повиноваться установленным над ними властям. Виновным в распространении ложных слухов грозило быть наказанными «по всей строгости законов» (II ПСЗ, № 330).

³ II ПСЗ, № 515.

приблизилось время хлебопашества (в июне месяце), они обратились к исправнику с новыми жалобами на заводских приказчиков. Ныне получил я от исправника вдруг одиннадцать рапортов, в коих объяснены сии жалобы; и видя из них, что помощник приказчика Утушкин более всех виновен в притеснении людей, я отнесся от себя к заводчице Белосельской, чтобы она немедленно удалила его от должности. С тем вместе получен рапорт, что крестьяне хотя просили выдать им несколько денег для исправления работ, но Утушкин (приказчик) и управляющий отказали им в просьбе, по невысканию с них каких-то прежних долгов. По сему последнему рапорту, Горное правление само, не выжидая разрешения от вашего высокопревосходительства на представление от 28 марта, предписало заводчице Белосельской, чтобы вообще платы крестьянам за работы велела производить достаточные, отнюдь не доводя их до крайности.

Со стороны Горного правления исполнено все, что было в обязанности его: ни один рапорт заводского исправника не оставлен без внимания. Но крестьяне, не видя никакого облегчения в работах, получая платы попрежнему недостаточные, в последнее время начали оказывать своеволие в большей степени, ибо тогда уже, когда предъявили новые неудовольствия на Утушкина, они в значительном числе не стали являться своевременно в работу от 65 до 73 человек, а крестьянин Минского завода Шерстнев решительно не хотел исполнить приказания заводского приказчика Костина и вскоре, как исправник потребовал его к ответу, произвел сильное возмущение в прочих крестьянах. Я поставляю долгом объяснить вашему высокопревосходительству подробно сие происшествие: Шерстневу велено было привезти тес из деревни за 7 верст от завода, но он отозвался, что не имеет лошадей, между тем как были у него 4 лошади, когда же приказчик Костин оштрафовал его легко, лошадки, то он с азартом ругал его разбойником и проч. Исправник для разбирательства сего случая потребовал к себе его, Шерстнева, но он с грубостью отозвался рядовому и служителю, за ним посланным в дровосек, что если и сам исправник будет за ним, то он не поедет; товарищи же его (8 человек) сказали, что одного не отпускают, а придут в завод все вместе, сколько их есть. Три раза после того исправник посылал еще за ним, но без успеха; в пятый раз послал унтер-офицера с тремя солдатами. При самом появлении сих военнослужителей Шерстнев закричал, чтобы его не выдавали, и на крик его бежалось множество крестьян, которые отобрали у солдат тесаки, перевязали им руки, заковали в железы и заперли в балаганах. Исправник отправился сам в курень, но сколько ни убеждал крестьян о повинении, они не хотели его слушать и кри-

чали, что ему теперь нет до них дела, что у них есть мир и что они задержали солдат в надежде скорее получить решение по прежним просьбам. Шерстнев тут оказал дерзость более всех: укорял исправника, что он неправильно штрафует их; говорил, что теперь никого уже они не дадут наказать без согласия мира, требовал, чтобы исправник тут же написал ему просьбу, а без того не выпустят его из дровосека, и с грубостью отозвался, что не освободит солдат. Видя себя посреди раздраженных крестьян, исправник уехал из куреня. На другой же день до ста человек собрались на площади и требовали к себе исправника. Когда тот вышел к ним на площадь, они объявили, что намерены отправить солдат к суду, дабы получить скорее решение. Исправник сколько ни внушал им о повинении, но ни убеждения его, ни самые законы, тогда им прочитанные, не подействовали: они вовсе не хотели слушать слов исправника, а кричали, что вера будет тому, что мир скажет, и от исправника ушли вдруг всей толпой по первому знаку возмутителя Шерстнева, который и отправил тогда же 8 человек из завода в город Уфу.

Для прекращения своевольства крестьян при самом начале, я полагал отрядить к заводскому исправнику до 50 человек вооруженной команды, но получил от него ныне другие донесения, что крестьяне двух заводов — Юрезань-Ивановского и Минского — и принадлежащих к ним деревень оказали уже общее волнение и явный бунт. Когда 8 человек крестьян уехали в Уфу, тогда и прочие, не окончив работы в куренях, самовольно отлучились в свои дома. При спросе их исправником о причине сей отлучки, они все единогласно требовали, чтобы 25 человек отпущено было в Уфу для выручки служителя Тараканова (который первый являлся прежде в Пермь с просьбами) и для ходатайства о скорейшем окончании дела. Исправник, однако, успел отклонить такое намерение их. Между тем отлучавшиеся в Уфу крестьяне схвачены там; трое из них задержаны, а пять человек присланы 4 числа сего июля в завод. Кричные мастера Базанов и Карабанов лишь только увидели сих крестьян за караулом и скованными в ножных кандалах, начали требовать от заводского исправника; чтобы они немедленно были освобождены. Когда исправник отказал в том, они отвечали с дерзостью, что всем миром возьмут арестантов, и действительно тотчас собрались толпою, тогда едва возможно было уговорить их, чтобы арестанты, хотя без желез, оставлены были под надзором полиции. При увещании же их исправником и управляющим они отвечали, что дело их скорее кончилось бы, если бы Шерстнев и крестьяне в курене убили солдат. Потом, во время наказания исправником двух крестьян, более 500 человек пришли к полиции с необыкновенным криком: «Давай их,

вяжи, бей их!» Карабанов, ворвавшись в полицию, утащил исправника в толпу, которая между тем толчками и палками провожала дворового человека управляющего. Первое требование их было об отдаче им приказчика Утушкина; второе — о смене всех начальствующих над ними, третье — об отпуске их из завода для выручки Тараканова, четвертое — о засвидетельствовании доверенности на подачу просьб от имени 2 571 человека, и все сии требования сопровождались грубостью, угрозами, решительным намерением оставить работы и итти из завода всем до одного. На убеждения исправника сколь важно преступление их, они торжественно отвечали: «Мы на то пошли, кнут всем, или ни одного не дадим; весь мир не пересякут, а что миром сделано, то свято».

Для усмотрения буйственных поступков крестьян я имею честь представить вашему высокопревосходительству в списке один рапорт заводского исправника за № 59¹ и при сем поспешаю донести вашему высокопревосходительству с эстафетою, что при совершенной невозможности без воинской команды восстановить в них порядок, я отнесся к оренбургскому военному губернатору с нарочным о командировании в заводы Белосельской воинского отряда до 1 500 человек. С тем вместе предложил я Горному правлению послать туда советника Сочельева для общего действия с отрядным командиром по усмирению крестьян и для производства подробного строжайшего о всем исследования.

Но как известно, что первоначальное неустройство в сих заводах произошло от притеснения крестьян со стороны заводууправления, то я обязываюсь с своей стороны покорнейше просить ваше высокопревосходительство, не благоугодно ли вам будет, согласно прежнему представлению главного начальника заводов, предписать завододержательнице Белосельской, чтобы она непременно приняла хозяйственные меры к безбедному содержанию людей и притеснительными поступками управляющих не возбуждала бы в них более неудовольствия.

Исправляющий должность главного начальника заводов,
берг-инспектор *Булгаков*.

Помета: *Министр финансов приказал изготовить записку с докладом государю императору 29 июля 1829 г.*

ЦГИАЛ, ф. 37, Горный д-т, оп. 5, д. 169,
л. 191—197.

¹ Не публикуется, так как его содержание излагается в данном документе.

№ 136

1829 г., АВГУСТА 1.

**ИЗ ИЗВЕЩЕНИЯ МИНИСТРА ФИНАНСОВ Е. Ф. КАНКРИНА
ПЕРМСКОМУ БЕРГ-ИНСПЕКТОРУ А. Т. БУЛГАКОВУ
ОБ УТВЕРЖДЕННЫХ НИКОЛАЕМ I
МЕРАХ ПОДАВЛЕНИЯ ВОЛНЕНИЯ КРЕСТЬЯН
ЮРЕЗАНЬ-ИВАНОВСКОГО ЗАВОДА**

Получив донесение вашего высокородия от 17 июля¹, я долго поставил заключающееся в оном обстоятельство довести до сведения государя императора, и его императорскому величеству благоугодно было к водворению на заводах княгини Белосельской-Белозерской спокойствия изъявить согласие на следующие меры:

1) Отнестись с нарочною эстафетою к оренбургскому военному губернатору, чтоб он отряженному с воинскою командою начальнику предписал употребить деятельнейшие средства и, буде нужно, меры военной дисциплины как к усмирению крестьян, так и к приведению их в безусловное повиновение предпоставленной над ними власти.

2) Ему же, военному губернатору, предоставить, чтоб он начальнику войск, находящемуся на месте, также отправленному туда советнику Горного правления и избранному от него чиновнику со стороны гражданской поручил произвести немедленно строжайшее обо всем следствие, и зачинщиков отправить в Уфу для суждения по законам; в случае же сопротивления — судить виновных военным судом на основании высочайше конфирманованного положения комитета г.г. министров от 20 июня и 20 июля 1826 г., а в случае надобности оставить воинскую команду до совершенного введения порядка на заводах.

3) Отправить отсюда благонадежного чиновника, на коего возложить вместе с чиновником, избранным с гражданской стороны от военного губернатора, с находящимся на месте советником Горного правления и с ведома вновь определенного на заводы княгинею Белосельскою управляющего, удостовериться в справедливости жалоб крестьян, и буде окажутся оные в чем либо основательными, то с общего согласия положить им меру удовлетворения, и вслед за тем составить положение об управлении заводов, применяясь к таковому же, сделанному в 1817 г., особо посланною по подобному случаю комиссиею для соседственного с ними Белорецкого, Пашкова, завода²; каковое

¹ См. документ № 135.

² См. документы о волнении на Белорецком заводе Пашкова в 1813 г., № 62—66.

положение, буде не встретится особого затруднения, привести тогда же в действие именем владелицы...

Министр финансов генерал от инфантерии *Канкрин*.

ЦИИАЛ, ф. 37, Горный д-т, оп. 5, д. 169,
л. 219—221. Отпуск.

№ 137

1830 г., МАРТА 4 И АПРЕЛЯ 29.

ВЫПИСКА ИЗ ЖУРНАЛА КОМИТЕТА МИНИСТРОВ О МЕРАХ НАКАЗАНИЯ ЗАВОДСКИХ КРЕСТЬЯН, УЧАСТВОВАВШИХ В ВОЛНЕНИИ НА ЮРЕЗАНЬ-ИВАНОВСКОМ ЗАВОДЕ

В заседании 4 марта слушано представление министра внутренних дел от 8 февраля за № 390 (по испол[нительному] Депар[таменту]), внесенное в журнале Комитета под № 351, о заводских крестьянах княгини Белосельской-Белозерской, сужденных за возмущение.

Оренбургский военный губернатор в июле месяце 1829 года довел до сведения Министерства внутренних дел как о происшедшем на заводах княгини Белосельской-Белозерской, состоящих в Оренбургской губернии, возмущении крестьян и о принятых мерах к обращению их в должное повиновение, так и о том, что главнейших возмутителей, оказавших к послушанию непреклонность, предписано от него командиру отряда войск на заводах предать военному суду. К сему военный губернатор присовокупил, что все намерения и действия мятежных крестьян простирались на защиту и выручку содержащегося в уфимском тюремном замке и судимого за возмущение крестьян заводского служителя Тараканова, о коем дело находится в рассмотрении Оренбургской палаты уголовного суда. Ныне оренбургский военный губернатор препроводил к министру внутренних дел произведенное комиссиею военного суда о неповиновении помянутых крестьян делс, из которого видно, что комиссия приговорила: 1) девять человек: Егора Шерстнева, Осипа Базанова, Ивана Карabanова, Афанасия Строева, Игнатия Сырцова, Мартына Костина, Андрея Корнеева, Семена Базанова и Филиппа Кузнецова, как главных возмутителей и начинщиков бунта крестьян, из коих Базановы и Кузнецов по особому делу приговорены уже Уфимским уездным судом к наказанию плетью за единодушие с возмутителем Таракановым, за участие в отнятии его во время препровождения в Кавказ-Ивановский завод и в требовании ему свободы и билета для проезда в Пермь, куда самовольно отлучался и Осип Базанов, казнить на месте смертью; 2) девять человек: Тимофея

Малостенкова, Ивана Владыкина, Филиппа Шерстнева, Савелия Самойлова, Петра Кузнецова, Якова Шондина, Никиту Шлемова, Агафона Лысова и Елисея Шерстнева, оказавшихся упорными по строптивости своей ненадежными и опасными для общества, аркебузировать; 3) крестьянина Василия Воробьева за преступную переписку и связь с помянутым Таракановым лишить живота; 4) из описанного у означенных крестьян имения на 5 356 р. 68 к. взыскать казенные убытки по причине происшедшего непослушания крестьян; 5) для поступления по законам с содержащимся под стражею в Уфе заводским служителем Таракановым, как за прежние, так и за настоящие его действия, писанные его рукою письма и разные бумаги препроводить (и препровождены) во 2-й Департамент Пермского горного правления и, наконец, 6) поступки крестьян: Прокофия Хардина, Лариона Слепенкова, Василия Трусова, Терентия Лопаква, Леонтия Долинина и Луки Игнатова, писавших к смуту крестьян просьбу и именные списки и делавших подпись к не дельным прошениям; Петра Кузнецова, бравшего за ворот сотского Бычкова и наказывавшего в виде главных бунтовщиков палками сотника Прохора Харитонова, и крестьянина Евсея Карлина, имевших у себя на сохранении отобранные у военнослужителей в курене тесаки с портупьями и штыки и не представивших оных куда следовало даже после усмирения мятежа, предать на рассмотрение главного начальства. Председательствующий в комиссии военного суда генерал-майор Дренякин, соглашаясь с законностью приговора оной, полагает из числа подсудимых: Осипа Базанова, Егора Шерстнева и Ивана Карабанова наказать кнутом по сто ударов каждого, а Андрея Корнеева пятидесятью ударами и отослать их в каторжную работу, а последнего на время; остальных пятнадцать человек наказать плетью по сто ударов каждого и, как вредных для общества, сослать в Сибирь на поселение, кроме Савелия Самойлова и Петра Кузнецова, которых согласно настоянию управляющего заводами оставить на прежнем жительстве; имение усылаемых в Сибирь описанное представить наследникам их, а казенные убытки, от неповиновения крестьян происшедшие, взыскать с самой заводсодержательницы; тех же десять человек, коих поступки Комиссия заключила, предать усмотрению начальства, наказать палками, дав по сто лозанов и оставить в своем жительстве под строгим надзором заводской конторы за их поведением.

Оренбургский военный губернатор таковое мнение генерал-майора Дренякина находит справедливым с существом дела и с законами сообразным, полагая только вместо определенного числа ударов Базанова, Шерстнева и Карабанова наказать кнутом тридцатью пядью, Корнеева двадцатью одним, пригово-

ренных к плетям пятидесятью, и к палкам пятидесятью ж ударами каждого и отослать Корнеева в каторжную работу вместе с первыми троими без назначения срока. К сему военный губернатор присовокупил, что особое следствие о причинах возмущения крестьян княгини Белосельской-Белозерской, произведенное учрежденною по высочайшему повелению комиссиею, имеет быть препровождено по принадлежности к министру финансов. Министр внутренних дел, рассмотрев производство дела сего во всех его обстоятельствах и подробностях, находит, что все подсудимые оказались по следствию более или менее виновными в дерзких и буйственных поступках как противу военной команды, присланной для усмирения их, так и противу местного заводского начальства, в произношении ругательных слов против священника Катаевского за несогласие его служить им молебен для достижения цели в предположенных ими мятежных предприятиях (в принятии присяги у церкви, стоять друг за друга и в склонении других к неповиновению). Сообразив все сие и руководствуясь последовавшими по подобным делам разрешениями Комитета министров, министр внутренних дел полагает: 1) Девять человек: Егора Шерстнева, Осипа Базанова, Ивана Карабанова, Афанасия Строева, Игнатия Сырцова, Мартына Костина, Андрея Корнеева, Семена Базанова и Филиппа Кузнецова, как главных бунтовщиков, прогнав сквозь строй чрез тысячу человек по одному разу, отправить в арестантские роты вечно и, чтоб мятежным людям сим преградить все пути к посползовению производить дальнейшие в заводе беспорядки и неурядиства чрез сношение с единомышленниками своими, полагает, вместо Орской крепости, в которую определена высылка из Оренбургской губернии преступников, в крепостные работы назначаемых, отправить помянутых девять человек в арестантские роты Новофинляндского округа, отнеся нужные на пересылки их издержки на счет завододержательницы. 2) Восемь человек, менее виновных: Тимофея Малостенкова, Ивана Владыкина, Филиппа Шерстнева, Якова Шондина, Никиту Шлемова, Агафона Лысова, Елисея Шерстнева и Василия Воробьева также прогнать сквозь строй чрез пятьсот человек по одному разу и оставить на прежнем их жительстве; остальных же затем двух: Савелия Самойлова и Петра Кузнецова, по засвидетельствованию управляющего заводами о прежнем их добром поведении, наказать палками, дав каждому по пятидесяти лозанов, и оставить в месте жительства. 3) Заключение оренбургского военного губернатора, состоящее в том, чтобы десять человек, поименованных в приговоре Комиссии военного суда, писавших к смуте крестьян просьбу и делавших подпись к недельным просьбам, наказать палками, дав по пятидесяти лозанов, и оставить в месте жительства под

строгим надзором заводской конторы за их поведением — утвердить. 4) Казенные убытки, от неповиновения крестьян происшедшие, согласно с заключением Комиссии военного суда, надлежало бы взыскать с виновных крестьян по силе указа 4 июля 1763 года¹, коим повелено: ежели впредь последует какая от крестьян помещикам непокорность и посланы будут воинские команды, то сверх подлежащего по указам за вины их наказания, дабы чувствительнее то им было, взыскивать с них и причиненные по причине их непослушания казенные убытки, дабы другие, боясь сего, к тем ослушникам не приставали. Но как таковой образ взыскания по значительности оно и по несостоятельности крестьян может быть затруднителен и даже невозможен, то для немедленного удовлетворения казны министр внутренних дел полагает обратить взыскание сие на заводо-держательницу, предоставляя ей на волю пополнить издержки, какие понесет она в настоящем случае, из имения виновных крестьян по своему усмотрению; мнение же по сей статье генерал-майора Дренякина оставить, так как оно не основано ни на каком существенном уважении и не согласно с указом 4 июля 1763 года.

Представление сие по выслушании в Комитете министров передано было предварительно министру финансов на соображение, по принадлежности означенных крестьян к горному управлению; вследствие сего он уведомляет, что по делам Департамента горных и соляных дел ничего особого по сему предмету не оказалось. Впрочем, как указ Правительствующего сената 9 августа 1826 года, на основании коего дело сие представляется чрез Министерство внутренних дел, относится к обыкновенным имениям, а горные заводы заведываются на особом основании в Министерстве финансов, то удобнее было бы впредь представлять таковые дела чрез сие последнее или, по крайней мере, по сношению с оным, так как дела таковые по сему министерству получают начало и имеют производство.

Комитет полагал: заключение министра внутренних дел утвердить с таковым, однакож, пояснением, чтобы во взыскании казенных убытков, от неповиновения крестьян происшедших, поступлено было сообразно существующим на сей предмет законам; впредь же подобные дела о возмущении крестьян на горных заводах представлять на рассмотрение Комитета министров, чрез Министерство внутренних дел, по предварительному сношению с министром финансов.

---

¹ Указ Сената (от 4 июля 1763 г. указан ошибочно, должно быть: от 11 июля 1763 г.) О взыскании с крестьян, участвовавших в волнениях, сверх обычного наказания также и всех причиненных казне убытков (I ПСЗ, № 11875).

В заседание 29 апреля объявлено Комитету, что по сему журналу последовало собственноручное его величества повеление: «Согласен, но арестантов послать в Бобруйск». Комитет определил сообщить о том министру внутренних дел к исполнению выпискою из журнала, дав знать таковою же и министру финансов.

Управляющий делами Комитета

Гежелинский.